

Александр Зубов

Экстрасенс

Повесть.

Новые способности дают
НОВУЮ ЖИЗНЬ

Александр Зубов

Экстрасенс

«Издательские решения»

Зубов А.

Экстрасенс / А. Зубов — «Издательские решения»,

Повесть. Новые возможности создают новую жизнь. Человек получает дар видеть больше других и лечить болезни с помощью своей энергетики. Но какова плата? Что приходит вместе с необычными способностями?

Экстрасенс

Александр Зубов

© Александр Зубов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

На плавном, но крутом повороте гладкого загородного шоссе автомобиль понесло. Свежая вода небольшого весеннего дождика стала смазкой между асфальтом и резиной колес, скорость, превышавшая к тому моменту 160 км в час, усиливала массу машины и толкала красную «Мазду» к противоположной обочине, где как раз только вчера разобрали для ремонта алюминиевые заграждения.

Неожиданно пропал рев двигателя, тишина заложила уши, движение приобрело затянута-рапидный характер, земля перевернулась один раз, другой и все ушло во тьму, пока картинку не вернул звук захлебывавшегося от надрыва клаксона. Было странно не больно, мозг был чист, мысли ясными. Сразу почему-то вспомнилась эта необычность недавнего переворота, когда крутило не авто, а земляной покров. Стало понятно, что так это выглядит из салона. Наблюдатель увидел бы движение, вполне соответствующее законам физики. Полное душевное спокойствие и нежелание двигать частями тела, которое никак не ощущалось, открыли дверь памяти.

Вот он садится за руль своего автомобиля в расстроенных после разговора с Инной чувствах, с азартным подростковым желанием что-то ей показать, и давит на педаль акселератора, выводя скорость за пределы разумного. Вся история отношений с этой девушкой прошла каким-то единым куском воспоминаний и размышлений. Она появилась около года назад. Студентка психологического факультета гуманитарного университета вначале не показалась чем-то необыкновенным. Она была красива. Но этим его нельзя было удивить – в его жизни почти не было некрасивых женщин. Привлекло то, что все вокруг тянулись к ней и стремились получить ее как желанный приз или прибыль. Мужчины – в качестве любовницы, девушки – в виде подруги. Притягивало также то, что мало у кого были шансы получить желаемое. Не будучи внешне надменной, Инна, не говоря ни да ни нет, выстраивала отношения таким образом, что все оставались в поле ее притяжения, доставляя в случае необходимости дополнительные ресурсы общения, постоянную возможность любования собой и наслаждения своим влиянием, не редко перетекавшем и в материальные приношения в виде ни к чему не обязывающей оплаты походов по ресторанам и ночным клубам, цветов и подарков к праздникам и «просто так».

Ему, увидевшему всю картину после двух раз общения в одной компании, показалось забавным принять ее негласный вызов и включиться в игру вместе с другими. Конечно, он не другие. Видя больше, будучи взрослым и опытным, не сраженным внешними прелестями, сохраняя трезвый рассудок, он выбрал тактику ответного подогрева ее интереса, расположившись рядом, но вне сферы ее влияния, как бы давая понять, что он не спутник, а такая же самодостаточная планета, притянуть к себе которую невозможно. План сработал. Через короткий промежуток времени она стала выделять его в кругу поклонников, сама делая встречные движения сначала в виде предложений сходить куда-нибудь одним коллективом с общими друзьями, а потом, озвучила идею, откликнуться на реализацию которой мог только он. Зная, что у него короткий отпуск, заявила, что устала учиться и предложила всем в будни выехать за город на пикник, долго сокрушаясь, что никто, кроме них не сможет поехать, что вдвоем, конечно, будет скучно, но уж очень хочется «воздухом подышать». На берегу небольшой говорливой речушки он счел дело сделанным, потянулся поцеловать, девушка отвечала страстным порывом пухлых и упругих губ, но ничего больше не позволила.

Дальше начались прямые ухаживания, в ходе которых она до последнего старалась отложить момент интимной близости. Сдалась только когда поняла, что он, уже раздраженный постоянными отказами, вот-вот прекратит отношения, увлекшись какой-нибудь более сговорчивой конкуренткой. Получив искомое, сорвав завистливое восхищение ее поклонников, он испытал чувство победы в битве и успокоился, посчитав выигранной всю войну. Перестав напрягаться, поверив в искренность ее нежности и внимания, начал строить планы совместной жизни, постепенно приходя к выводу, что в 37 лет пора подумать и о создании семьи. Инна казалась весьма подходящей на роль жены. Она выглядела такой мягкой и понимающей, он, пока добивался, вложил в нее столько трудов, что теперь чувствовал зависимость, которую принял за настоящую земную любовь. Только одно не давало покоя – ему никак не удавалось ее присвоить. Было понимание, что ни в бытовом общении, ни в постели она не принадлежала ему до конца, всегда оставаясь немного отстраненной. Думалось, что надо шире открыться, но чем сильнее со временем тянулся он, тем большую дистанцию устанавливала она, превращаясь из ласковой в грубоватую, все чаще прибегая к отказам от секса. Он страдал и, теряя чувство собственного достоинства, начал открыто спрашивать ее о причинах охлаждения. Она не отвечала, предлагая подумать самому.

А сегодня, наконец, выложила, что считает его должным делать для нее много больше, дарить ей настоящие подарки, а не мусор всякий. Ее гораздо менее красивой подруге, например, парень купил машину, а она за все время не получила даже нормального кольца с бриллиантом. Слова о любви ничего не значат, ее надо доказывать и если он, уже зрелый мужчина, хочет быть с такой прекрасной молодой девушкой, как она, – должен предоставлять ей большее материальное содержание и вообще стремиться жить только ради нее, чтобы и она смогла полюбить его в полной мере.

Столь циничного подхода он не подозревал, никто раньше ему не говорил и том, что он уже не молод, разбились романтические мечты о семейном счастье, стало понятно, что его чувства клинически безответны. Желая хоть как-то отомстить, он, во-первых, не сказал вообще ничего, во-вторых, ушел из ресторана, в котором они встречались за обедом, не рассчитавшись, в-третьих, чтобы она видела, вдавил педаль газа уже при выезде с парковки. Не стал контролировать себя и дальше, упиваясь возникающим риском, отгонявшим все посторонние мысли, направил машину на загородную трассу, чтобы, на предельной скорости, попытаться сбросить все, что связано с именем Инны... Что было дальше? Вспомнить не получалось. Напрягся, увидел себя проезжающим мимо стоящей на выезде городской стелы, посмотрел на стрелку спидометра, завалившуюся за 180 км в час...

Слух резанул вой сирены, картинка прошлого исчезла. Он вдруг сверху увидел поворот шоссе, уходящую от него борозду земли, остатки проделавшей ее «Мазды», стоящей на колесах в кювете. Удивился. Попытался заглянуть внутрь, но ничего не разглядел из-за вмятой до панели приборов крыши. Чтобы что-то увидеть, необходимо было спуститься на землю, но это движение не выходило.

К месту аварии подъехала машина полиции. Старший лейтенант, стараясь не запачкать грязью начищенные ботинки, подошел к разбитому автомобилю, изогнулся, заглянул, нецензурно выругался, просунул руку и вынул ключ из замка зажигания. Оказалось, что звук клаксона все это время постоянным фоном разносился по округе, превратившись в его ушах в непрерывный гул. Выключили сирену и полицейские. Стало тихо. Затем лейтенант по радиации начал объяснять напарнику подробности увиденного, основывая рассказ на чувствах безразличности и сожаления. За поворотом послышался новый вопль сирен, через минуту на обочине остановилась машина скорой помощи. Доктор, кивнув в знак приветствия находившемуся на дороге полицейскому, двинулся к пострадавшему. В этот момент из-за поворота появилась и машина МЧС.

– Ну что, живой? – спросил у пытавшегося заглядывать в покореженный салон машины врача один из сотрудников МЧС.

– Кажется, это пока еще наш пациент.

– Я думаю ненадолго, – включился в разговор полицейский лейтенант. – На моей памяти в таком фарше еще никто не выживал. Он гнал, наверное, больше 150-ти.

Да это же они про меня! – прошло догадкой сознание. – Но как?! Я же здесь... – еще раз огляделся по сторонам. – Сверху. И вижу все со стороны... Я умер что ли?! Как странно. И как спокойно на душе.

– Молодой, наверное, – продолжал разговор готовивший инструменты для разрезания металла эмчээсовец.

– «Мазда 6» принадлежит гражданину Богданову Сергею Савельевичу. Если за рулем был он сам, то это мужчина 36 лет.

Точно. Это они про меня. Я и был за рулем. Неужели я вправду умер? Как-то глупо все вышло. Любопытство потянуло ближе к земле.

– Сейчас увидим, кто там, – сказал сотрудник МЧС, поднимая гидравлические ножницы.

Глядя на свое тело, бережно вынимаемое и укладываемое на носилки целым коллективом, на окровавленное, неестественно бледное лицо, он удивлялся тому, что не чувствует с ним никакой связи. В машине скорой стал понимать бессмысленность дальнейшего движения за своей оболочкой, почувствовал, что новое состояние дает гораздо больше свободы, захотел двинуться выше, в свободное воздушное пространство. Посмотрел на потолок реанимобиля, намереваясь пройти сквозь него... Но остановился, услышав громкий возглас врача, направленный к находившейся тут же медсестре:

– Уходит! Давай дефибриллятор!

Сознание неожиданно отяжелело и погасло.

Прежде, чем открыть глаза, вспомнил историю с аварией и наблюдением за операцией своего спасения, тут же почувствовал ноющую боль во всем теле и понял, что усилия по реанимации дали результат. Свет на мгновение прожег зрачки, но и после того, как зрение нормализовалось, увидеть почти ничего не удалось из жесткой фиксации головы. Впрочем, и без детального осмотра можно было понять, что вокруг больничная палата. Стало слышно прерывистый электронный сигнал, догадался, что аппаратура отсчитывает его пульс. Быстро устав от произведенных усилий, восприятие начало затрудняться, затормаживая работу мозга. Организм опять погрузился в состояние сна.

В одно из следующих пробуждений успел, закрывая глаза, сообщить оказавшемуся в палате врачу, что слышит его, чувствует свое тело, ответить еще на несколько вопросов, содержание которых тут же забыл. Постепенно силы стали прибавляться, периоды бодрствования становились продолжительнее.

Однажды в такую минуту рядом с кроватью оказались мама и старшая сестра. Мама стояла и молча плакала, села рядом и продолжала плакать, не в силах остановить слезы по требованию дочери. Сын говорить еще не мог, но только теперь до него дошло, какие страдания доставил он этой родной душе. Только теперь он подумал, что никакие его выдуманные или настоящие любовные страсти не стоят капли жидкости, текущей из ее глаз. Только теперь он понял, что, не смотря на полную самостоятельность существования, он не имел права так рисковать своей жизнью, зная, что ставит под удар и ее здоровье. Стало стыдно и жалко, слезинки скопились и у его ресниц.

– Ну вот, мама, смотри, он тоже плачет, глядя на тебя, – нарочито строго, но мягко говорила сестра. – Прекращай уже!

И продолжила, обращаясь к больному:

– Сережа, давай, держись, мы тут, рядом будем, если что. Если что надо... Хотя что тебе сейчас надо? Ты же не скажешь...

Теперь всхлипнула и сестра.

– Вот, видишь, мама, и я уже из-за тебя начинаю реветь! – не сумев сдержаться, заплакала вдовую.

– Прости, сынок, прости, – прошептала мать и начала вытирать слезы, становясь внутренне собранной. – Ты только выздоравливай.

– О! Ну также нельзя! – в палату вошла медсестра. – Больному нельзя переживать, а вы тут развели... Все, выходите. На сегодня хватит.

Сон, пришедший после ухода родных, не стал тяжелым темным провалом, как это случилось все последнее время, а был скорее похож на кино по мотивам его воспоминаний.

Вот она, эта лестница в детском саду, запах и цвет которой он помнит всю сознательную жизнь, ассоциируя их с подавлением собственной воли и ограничением свободы.

Теперь мама гладит его белую рубашку и с особым чувством вешает ее на плечики в шкаф: завтра Сережа будет выступать со сцены, читая стихи на городском конкурсе, куда его выбрали в числе всего 10 учеников школы №68.

Взмокший от непривычных усилий отец бежит сзади, поддерживая велосипед, чтобы сынок научился ездить на двух колесах вместо трех. Сережке очень хочется быстрее поехать самому, но страх заставляет просить держать, делает слабыми руки, неспособные остановить влияние руля, не дает с необходимым усилием нажать на педаль. Слышно, как папа тяжело дышит, он вот-вот остановится, но велик начинает катить неожиданно легко, приходится сосредоточиться на управлении, чтобы не упасть и в следующую секунду приходит понимание того, что никто уже не держит его за седло, что он сам успешно катится по дорожке парка. Правда, впереди, довольно далеко, возникает фигура идущего навстречу прохожего, появляются мысли о грядущем столкновении и своеобразный двухколесный механизм валится в газон вместе с велосипедистом. Но это уже ничего. Он теперь уже испытал чувство самостоятельного движения и знает, что может это сделать, набирая умение от попытки к попытке.

Ссора с сестрой. Ей дали задание убраться в квартире, она привлекает к процессу младшего брата, которому категорически не хочется ничего делать, тем более как бы за нее. Лиза пытается уговорить, потом надавить, затем применяет силу, но это делает Сергея только находчивее в отговорках и изворотливее в борьбе. Соперничество и ревность к родителям, проявившим, казалось, больше внимания другому ребенку, разом кончились после смерти отца. Ей было 16 лет, ему 12 и горе сплотило их вокруг матери, которой оба старались дорожить, как чем-то самым ценным. Чтобы маме было легче растить Сергея, Лиза после школы отказалась от ее предложений поступить в университет, окончила трехмесячные курсы бухгалтеров и начала работать.

Мамины котлеты. Она повар и, как правило, в будни кормила своих домочадцев тем, что приносила с работы. Сначала это была столовая, затем сменились несколько кафе и два ресторана. Но в свой выходной она готовила обед, если он совпадал с общим воскресеньем или ужин, если приходился на будни. В эти дни семейный стол наполнялся всевозможными изысками – от полезных салатов до вкуснейшего домашнего печенья или торта. Однако папа всегда больше всего хвалил котлеты. И чтобы мама не готовила, они обязательно были в составе блюд. Разные – из мяса и рыбы, с добавками трав и без. Дети, вслед за отцом, их хвалили, ели с готовностью, хотя ждали, конечно, десерта. После того, как остались втроем, разнообразие значительно сократилось, но котлеты каждый раз появлялись на столе, формируя ощущение незримого присутствия главы семейства. С возрастом, когда появилась возможность сравнивать вкусы, стало ясно, что мамы котлеты, в самом деле, не похожи ни на какие другие и превосходят по вкусовым характеристикам аналогичные продукты других поваров. Не зря Лиза,

выйдя замуж, вместе с мужем приезжала к маме «на котлеты». И Сергей, начав жить самостоятельно, откладывает дела, чтобы попасть к маме в день ее выходного. Когда Алевтина Яковлевна ушла на пенсию, на этих котлетах стали расти Лизины дочки. Сережа же, погружаясь в дела и гулянья, все реже стал бывать у нее, хотя хорошо знал, как она его ждет.

Постепенно самочувствие стало улучшаться. Периоды бодрствования теперь длились довольно долго – иногда до часа. Он уже мог общаться, выдавливая из себя отдельные слова. Впрочем, каждый звук почти еще буквально рождался, а на формирование речевого выражения уходило столько сил, что больной после таких проявлений быстро засыпал. В большинстве случаев бодрствования рядом с его кроватью всегда появлялась Алевтина Яковлевна.

Вскоре Сергея Богданова перевели из реанимационного отделения в палату для «тяжелых», где кроме него находились еще двое мужчин. Мама, с утра до вечера находившаяся в больнице, сумела договориться о наделении ее волонтерским статусом, позволявшим официально ухаживать за пациентами. В палате сына она заменила почти весь технический персонал, взяв на себя заботы по уборке помещения, выносу испражнений, помогая медсестрам в кормлении больных и смене их постельного белья. Как в дни забытого рождения, Сергей познавал мир через мать, с ее помощью заново учась нормально говорить.

В больнице стали появляться редкие друзья и подруги. Инна не приходила. Хотя ему казалось, что связанные с ней страницы жизни вырваны, оставшиеся у переплета обрывки чувств заставляли едва уловимо мечтать о том, чтобы увидеть ее, измененную случившимся, раскаивающуюся, жертвенно влюбленную. Зато приходил полицейский, провел выяснение обстоятельств ДТП, составил протокол и сообщил, что можно забрать найденные в машине вещи, написав доверенность на кого-нибудь из ближайших родственников. Смартфон, лежавший во время поездки на приборной панели в ожидании спасительного звонка от нее, пришел в полную негодность, но сим-карта не пострадала и Лиза вставила ее в один из находившихся в ее семье старых аппаратов. Сергей ждал, что она хотя бы позвонит. На телефонную связь выходили знакомые, подчиненные, друзья. Ее не было.

Пришел Дмитрий Николаевич Сорокин – генеральный директор PR-агентства, в котором Богданов начал работать сразу после окончания университета и дорос от начальных должностей до заместителя руководителя. Шеф почти искренне жалел, задавал дежурные бестактные вопросы: «Как же это случилось, Серега?», «Что тебя заставило давить на газ?» и т. п. Пожелал скорейшего выздоровления, напомнив, что впереди кампания по выборам депутатов региональной законодательной думы, в ходе которой агентство традиционно имеет повышенную нагрузку и дополнительные доходы.

Мама снова, как в младенчестве, учила его ходить. Ей также помогали ходунки, только теперь не детские, а медицинские. Сергею было непривычно, тяжело и больно, но он старался не подавать виду, чтобы как можно меньше расстраивать ее. Появившееся желание шагать для нее, а не для себя, давало дополнительные силы, усиливало стремление, скорее приближало к цели. Правда, интенсивным тренировкам противился лечащий врач, опасавшийся, что лишнее движение спровоцирует рецидив травмы головного мозга, кора которого была повреждена во время удара. Но уставший от беспомощного существования пациент больше страданий ощущал от неподвижности, а потому стремился всякую свободную минуту, в которую чувствовал в себе силы, продолжать тренировки с ходунками.

Однажды вечером, когда мама уже ушла, он, решив удивить ее в следующий день личным прогрессом, снова взялся за тренажер и, не обращая внимания на боли сначала в ногах и спине, а затем и в голове, стал пытаться оторваться от конструкции, чтобы сделать самостоятельный шаг. Казалось странным, но в этот раз напряжение не проявлялось обильным потоотделением. Даже лоб был сух и, по ощущениям, холоден. Смотревшие за процессом соседи по палате, один из которых уже двигался на костылях, а второй и вовсе пока не вставал с постели, пытались подбадривать и давать какие-то советы. Сергей оторвал одну руку, постепенно стал переносить

сильно вес тела, чтобы убрать вторую, отпустил ходунки, постоял, вознамерился слегка двинуть вперед левую ногу, собрался и вдруг сначала негромкие голоса других больных начали слышаться так, будто он находился в каком-то невидимом сосуде, проникая сквозь который звуки, многократно ударяясь о стены, множились, заполняя вибрациями пространство. Следом возникла разламывающая череп от челюсти до затылка резкая головная боль, он хотел сказать товарищам, что чувствует себя нехорошо, но не смог открыть рот, который намертво замкнуло мышечным спазмом и, увидев приближение пола, понял, что теряет сознание за мгновение до того, как оно погасло.

Темнота длилась недолго. Очень скоро он снова увидел себя со стороны, лежащим на полу, рядом суежилась медсестра, прибежал дежурный врач. Только в этот раз тело не казалось чужим. Находясь вне его, он вполне чувствовал свои органы, отмечая их теплоту. Все свидетельствовало о том, что он жив. Однако лишь подумав о том, что так может выглядеть и смерть, Сергей испугался, понял, что необходимо как-то вернуться в обычное состояние, потянулся невидимой рукой к лежащей ладони, хотел дотронуться до нее... и в одно мгновение снова увидел обстановку изнутри тела, сообразив, что пришел в себя. Общий вздох облегчения паром поднялся к потолку, растекаясь по нему и, спустившись по стенам, сняв накал эмоционального напряжения.

Но объективная реальность недолго господствовала в сознании пациента. Через секунду его зрение начало терять фокусировку, комната начала заполняться разноцветными лучами. Не понимая, что происходит, не имея сил, чтобы даже сделать попытку анализа, он лишь обратил внимание на то, что свечение это почему-то окутывало стоявших вокруг его постели людей, после чего почувствовал слабость, тяжесть во всем теле, понял, что стремительно засыпает и с облегчением принял новое состояние.

Случай дал доктору повод заподозрить симптомы эпилепсии, которая вполне могла стать следствием повреждения мозга. Впрочем, проведенное дополнительное обследование не подтвердило версию врача.

Преодолевая боль, ставшую частой спутницей после отмены анестетиков, Сергей продолжал активно восстанавливаться физически, хотя теперь и не позволял себе сколько-нибудь избыточных нагрузок. Работа над телом отвлекала от осевшей на дне души, но готовой подняться даже от легкой задумчивости, депрессии. Когда речь шла о выживании, все окружавшие его до того мирские проблемы отошли, заняв подобающее им место в разряде несущественных. Теперь же они вновь стремились заполнить целые области мысленно-чувственного пространства. Воспоминания об Инне, к которой осталось-таки чувство обиды, заставляли думать об отсутствии перспектив личной жизни. Он был уверен, что женщины еще будут, но уже очень сомневался, что будут по-настоящему желанные. Хотя и разобраться в том, чего хочет, тоже не мог.

Конечно, нужна была красивая, молодая девушка. Рядом с некрасивой он себя не представлял, а женщин, близких по возрасту к себе, считал уже малопривлекательными с сексуальной точки зрения. На этих двух характеристиках портрет обрывался. Его представления об идеальном характере избранницы были противоречивыми до неопределенности. Так, хотелось, чтобы она была скромной, но было опасение, что в таком случае она будет скучной. Думалось о мягкости и женственности, и не желалось поведенческой однообразности.

Стала проявляться накопившаяся усталость от агентства и его деятельности. Начало возвращаться чувство непривязанности к жизни. Как будто он к ней мало прикреплен. Да, мама, сестра... А больше-то вроде и ничего. Друзья? У каждого свои проблемы и они ближе к телу, чтобы кто не говорил. Работа? Кому она нужна! Что она оставляет, кроме доходов?! Обманывать за деньги избирателей и покупателей сначала было увлекательно. Теперь опостылело. И беда в том, что работать не хотелось вообще, не только здесь... Начала утомлять мамина опека. Когда был беспомощен, она была буквально спасительной, а сейчас ее постоянное при-

сутствие и сопереживание стали восприниматься как излишние. Такое отношение будоражило совесть, заставляя винить себя в отсутствии благодарности и искренней любви к самому близкому и преданному человеку.

Градус всего этого коктейля значительно усиливался при мыслях о возможных последствиях аварии, о том, что можно полностью не восстановиться, что однажды сильно поврежденное тело никогда не будет тем же надежным исполнителем желаний, каким было прежде. О том, что подозрения об эпилепсии могут вполне оправдаться, так как доктор сказал, что эта болезнь не всегда диагностируется приборами, особенно на ранних стадиях. Наконец, эти лучи, виденные после потери сознания... Осталось ощущение, что это не было следствием простой расфокусировки зрения.

Тем не менее, жизнь продолжалась, травмы постепенно отступали под напором лекарственных препаратов и постоянных упражнений. Голова уже не болела столь часто и так сильно, как в первое время сокращения медикаментозного воздействия, речь восстановилась, ноги стали живее откликаться на сигналы мозга, Сергей стал ходить сначала с костылями, а затем и с палочкой. Находиться в стационаре дальше не было необходимости, и его выписали для продолжения реабилитации в домашних условиях.

Время выхода из больницы совпало с началом активной фазы предвыборной кампании. Сорокин пытался привлечь Богданова к работе, предлагая управлять процессами создания кандидатских программ, разработки PR-мероприятий и планов их проведения, в режиме неполного рабочего дня, появляясь в офисе хотя бы на пару часов. Сергей понимал логическую необходимость вступления в дело, к этому подталкивала и необходимость поправки личных финансов, но внутри все противилось возвращению. Ему до ломоты в теле, до фантомных болей в уже заживших переломах не хотелось заниматься выдумыванием новых способов обмана. При мысли, что придется снова нагло и открыто лгать, раньше забавлявшей его, нравившейся обещанием интересной игры, теперь появлялась тошнота.

Заместитель отказал своему начальнику, чем зародил в его душе большую обиду. Дмитрий Николаевич, конечно, понимал физическое состояние Сергея, и, как ему казалось, нашел самый щадящий для него вариант участия. А потому никак не ждал отказа. Он был уверен, что этот парень обязан выйти на работу потому, что компания находится в контрактных обязательствах сразу с пятью кандидатами, идущими по разным одномандатным округам, и одной политической партией. Качественно выполнить все договоры без Богданова, всегда являвшегося креативным мозгом фирмы, агентство не могло. К тому же, несмотря на сокращенное участие, заму предлагалось полное вознаграждение. И всем этим расположением он пренебрег.

Зная генерального, Сергей довольно точно представил себе его реакцию на отказ, но, сделав выбор, почувствовал значительное облегчение и решил, что оно в данный момент ценнее хорошего расположения шефа.

Между тем, с переездом домой, жизнь стала наполняться унынием. Значительно поправившееся здоровье уже не заставляло жить каждой отдельной минутой, открывая простор для взглядов в будущее, в котором ничего оптимистического так и не появилось. Отказав начальнику и почувствовав на минуту вкус свободы, теперь Богданов отчетливо понимал ее цену: ему вряд ли удастся занять прежнее положение на работе, его будут отодвигать от управления, всячески давая понять, что он в этой фирме ничего не значит, и никто его здесь не держит. Такие перспективы делали возвращение на прежнее место шагом бессмысленным и временным, но других вариантов не возникало.

Это состояние заметили приехавшие в гости друзья, после чего больше не проявляли намерений посещать больного, ожидая его выздоровления, возвращения к привычному поведению и образу жизни. Видела это мама, понимала сестра. Потому в конце августа, когда солнце днем греет еще сильно, но уже не обжигает, когда природа еще находится в полном соку, но уже переходит к процессу увядания, проявляющемуся редкими желтыми и оранжевыми

пятнами на насыщенном зеленом фоне, похожими на первые седины у еще молодого человека, Лиза пригласила брата поехать вместе с ее семьей на пикник. Кстати с очередной вахты на буровой платформе в Сибири вернулся ее муж Иван, и поездка за город выглядела очень естественным мероприятием, созданным для себя, а не для поддержки страдающего. Сергей согласился развлекаться, решив, что общение с племянницами сможет отвлечь его от пустого переживания навалившихся проблем.

Семейный микроавтобус остановился у расположенного сразу за городской чертой крупного торгово-развлекательного центра, одним из якорных предприятий которого был супермаркет «Зеленый дом», в котором предстояло закупить продукты для приготовления еды. Богданов не захотел ждать в машине и отправился в магазин вместе со всеми.

Лиза и Иван увлеченно искали продукты, думая, что еще надо купить, дружелюбно обсуждая выбор товара. Их дочери двигались по магазину параллельным курсом, стараясь найти и вложить в общую корзину что-то нужное для себя. Причем старшую Дашу заметно раздражало, что младшая Маша «обезьянничала», беря те же сладости, что и она. Будучи не в состоянии быстро передвигаться между полок, Сергей прихрамывал в главном проходе, издали держа всех во внимании. Незаметно наблюдение переросло в осмысление, дошло до обобщений.

«Что чаще всего объединяет людей в современном браке? Общая еда и жилье. Потому так много парочек проводят выходные в супермаркетах, пополняя съестные запасы, закупая необходимые в быту мелочи с таким тщанием и ответственностью, будто исполняют главное дело своей семейной жизни. А самыми бесконфликтными разговорами являются те, в которых обсуждаются планы покупки новой мебели или бытовой техники. При этом одежда, имеющая индивидуальное предназначение, наоборот ссорит супругов. Покупая вещь кому-то одному, другой чувствует себя немного ущемленным. Интересно, что жена, уговорив мужа на покупку очередной вещи для нее, чаще всего просит поехать в магазин вместе, чтобы тот вроде как посмотрел – подходит или нет. Как бы не так! Мало кто из женщин на самом деле нуждается в советах своих мужей. Просьба сопровождать ее в поездке за покупкой скорее выглядит, как попытка получить двойное удовольствие: и обновку получить, и спутника позлить. Зато мужчины нередко предпочитают приобретать одежду сами, опасаясь, что жена начнет навязывать свой вкус, предлагая нечто более недорогое, а также побежит обязательно по отделам для женщин, чтобы „просто посмотреть“. На самом деле такие поездки не редко заканчиваются тем, что мужчине „ничего не нашли“, а ей, какое счастье, случайно и довольно недорого досталась вещица, о которой она так давно мечтала. Опять же расстройство мужа в данном случае служит дополнительным удовольствием. Дома, продолжая утверждаться в контроле управления, она постарается снять его напряжение в постели, как бы говоря: когда хочу – злю, когда хочу – размягчаю... Потому покупать совместно продукты значительно интересней – в вопросах еды легче пойти на компромисс или приобрести каждому по любимому блюду. Выбирая пищу, супруги чувствуют себя почти одним целым, как бы семьей. Беда всего дела в том, что объединиться на еде, шмотках или машинах невозможно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.